

Op84

C37

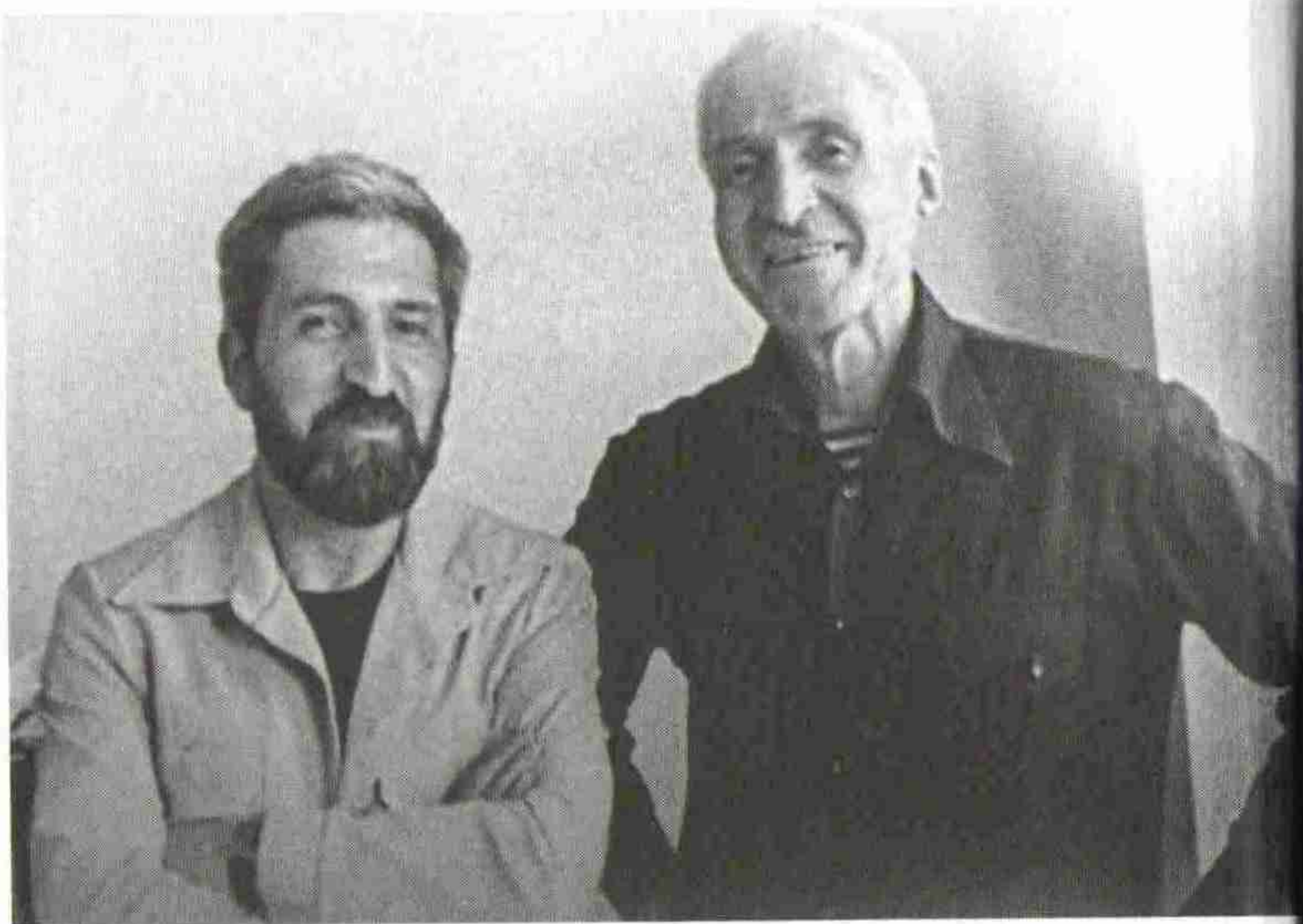
A-404241

Константин СИМОНОВ

Алексей СИМОНОВ

**СОФЬЯ
ЛЕОНИДОВНА
Оренбургский
след**

Алексей и Константин Симоновы. 1979 год

Op 84
C 37

Константин СИМОНОВ
Алексей СИМОНОВ

СОФЬЯ
ЛЕОНИДОВНА

Оренбургский
след

Op 84

84(2=411.2)6-4
+ Op 84.5

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Оренбург, 2024

✓

Задача этих заметок – осмыслить три сюжета: биографический, литературный и промежуточный. Сюжеты о том, как биографические конкретности превращались в творчестве Константина Симонова в художественную ткань его литературных произведений. Ну и, конечно, необходимо пояснить читателю, почему именно я взялся за это запоздалое литературоведение и почему оно выходит в свет в Оренбурге, тем более что это совсем не случайно и имеет под собой серьезное основание. Книжку эту можно еще назвать путешествием сына по страницам литературного наследия отца – поэта, прозаика, драматурга и мемуариста К.М. Симонова – Героя Социалистического Труда, кавалера многих высших орденов и медалей, лауреата Ленинской и шести Сталинских премий.

Предыстория

Дети о живых отцах пишут редко. Вот и я первый раз оскоромился только в конце 1979 года, в год смерти отца, вскоре после того, как мне исполнилось 40 лет. Первый свой текст я написал для сборника «Симонов в воспоминаниях современников». Текст с тех пор не переделывал, но то, с чего я начал тогда, относилось и ко всем двум с лишним десяткам более поздних публикаций о разных случаях, проблемах, фильмах, работах и обстоятельствах жизни отца, которые я написал и издал с тех пор. Я даже название для такой рубрики придумал: в четырех книгах воспоминаний, которые с тех пор увидели свет, эти тексты вошли в рубрику «Семейные реликвии». А вот как первый текст «Три дня в июне» начинался:

«Мне очень трудно писать об отце. И дело тут не в том, что не притупилась боль – ей еще долго не дано стихнуть, и надо учиться с ней жить. И не в том, что смерть отца образовала пустоту в жизни его близких – реальную величину этой пустоты не только нам предстоит еще ощутить. Дело в том, что самое главное, самое существенное для меня в отце связано нашей – его и моей – личной жизнью, говоря

о которой, страх быть нескромным соседствует с желанием смягчить острые углы, опасение писать не о нем, а о себе, стесняются, заставляют оговариваться на каждом шагу, и самое непреодолимое – ему написанного не покажешь, не сверишься с памятью, как было, а пишешь так, как казалось или кажется тебе одному». Так начинался мой первый мемуар.

Вот с этими опасениями и сомнениями я и прожил всю вторую половину жизни. Процитированное написано в сорок один, а сейчас мне восемьдесят четыре, так что считайте сами. Я, пишущий эти строки, старше покойного отца ровно на двадцать лет. Он умер в августе 1979, ему не было шестидесяти четырех. За сорок с лишним лет, что прошли со дня его смерти, помимо мемуарных очерков, посвященных отдельным событиям или юбилеям его памяти, в 2005 году я снял двухсерийное кино, названное так, как звали его все близкие ему люди: «КаЭм» – Константин Михайлович. И однажды я чуть не написал о его жизни книгу для «Молодой гвардии», этому издательству издавна принадлежит знаменитая серия «ЖЗЛ» – «Жизнь замечательных людей». Я даже заключил с ними договор, который так и не отработал, хотя написать такую книгу было бы чем-то вроде выполнения отцовского завета.

История первая

С чего начиналось

Этот разговор с отцом состоялся у нас ближе к концу 70-х – точной даты не помню. Помню собственное удивление без примеси горечи, с которой сейчас я об этом разговоре вспоминаю и пишу. Разговор был, в сущности, о смерти и сыновней памяти, а снаружи – о книге Лескова-младшего об отце-писателе. КаЭм спросил, читал ли я лежавшую на его столе большого формата книгу в черном переплете, на обложке которой были две одинаковые фамилии с разными инициалами. Тогда я рассматривал происходящее с нахальством и не без иронии: впервые за 37 или 38 лет (я уже говорил, что точной даты не помню) отец стал формировать «круг чтения» своего вполне уже зрелого отпрыска. Было любопытно, но не более. Это я уже потом понял, что еще за несколько лет до смерти отец хотел заразить меня интересом к собственной биографии, предлагая взять за образец блестящий пример – эту книгу, о судьбе которой он тут же и рассказал.

Собрав все материалы для книги об отце, Лесков-младший, кадровый офицер, ушел на фронт. А когда вернулся живым, оказалось, что вся подготовительная работа пошла прахом – рукопись сгорела вопреки главному тезису булгаковского романа, что «рукописи не горят». Заинтересованного Воланда под рукой не оказалось, и все пришлось начинать заново. Но автор был упорен и вопреки все-

му, включая собственный, далеко не молодой уже возраст, собрал книгу заново. И вот оно, доказательство верности сына памяти о замечательном писателе – отце. Особую – как помню – симпатию у отца вызывало то, как много труда вложил автор в рекомендуемую мне для чтения книгу. Книгу я прочел, она мне понравилась, но не воодушевила. Я ее тихо вернул, и мы о ней вроде бы не разговаривали. Боюсь, что я огорчил тогда отца своей бесчувственностью или, по меньшей мере, недогадливостью.

История вторая
Родословная

С чего начиналась бы книга в серии «ЖЗЛ»? Я полагаю, с рождения героя, с его родословной. И тут читателя ждал бы перечень неизвестных ему имен и дат. Впрочем, начинали бы этот перечень факты известные. Будущий писатель Кирилл (Константин) Симонов родился 28 ноября 1915 года в Петрограде, за два года до революции, в семье полковника генерального штаба Михаила Агафангеловича Симонова, сорокадвухлетнего старого холостяка (женился первым браком, что отмечено в его послужном списке), кавалера орденов св. Анны 3-й степени, св. Станислава – 3-й и 2-й степеней, награжденного Георгиевским оружием и несколькими медалями, и княжны Оболенской Александры Леонидовны, девицы, на 19 лет его моложе, окончившей Смольный институт благородных девиц, и свободно изъясняющейся на французском и немецком языках.

Полковник (кстати, полковником он был при женитьбе, что отразилось в послужном списке, а к рождению сына он уже генерал-майор) Симонов из калужских мелкопоместных дворян. Все, что мне удалось о его семье выяснить, звучит довольно тускло. Я так и не смог узнать, кто были его родители, хотя выяснил, что полковник был одним из шестерых братьев-сестер.

Что же до семьи Оболенских, то это и куда более длинный, и уж точно, более содержа-

тельный разговор. Оболенские – одна из самых древних и родовитых русских дворянских фамилий. Поскольку я тоже каким-то боком, генами причастен к этому роду, потешу себя и первый раз в жизни, говоря о судьбе Оболенских, буду говорить «мы».

Мы – Оболенские – древнее Романовых. Дед писателя, а мой прадед Леонид Николаевич Оболенский, чей портрет висит у меня над письменным столом, принадлежит к 30-му поколению, ведущему родословие непосредственно от легендарного Рюрика, и 17-му от основателя рода Оболенских князя Константина Юрьевича Оболенского. Как видите, вся российская история нами, Оболенскими, прошита. Еще немного – и мы доберемся до героини этой книжки, одной из княжон Оболенских. Но – всему свой час.

Родовое древо Оболенских велико и ветвисто. Интересующая нас ветвь начинается для нас с Леонида Николаевича, родившегося в 1843 году. Он «один из немногих титулованных дворян, сделавших карьеру на гражданской службе», – это я начал цитировать предисловие С.А. Ларькова к удивительной маленькой книжечке, названной составителями «Дневник 13-летнего эмигранта», главное содержание которой – дневник двоюродного брата моего отца, как тогда говорили – кузена, написанный в юные годы, в разгар бегства его семьи из России. Написан он в Константинополе. Впереди у него еще Болгария, потом Франция, где в свой час похоронены будут его родители и он сам. Книжка выпущена научно-исследовательским

центром «Мемориал» в Санкт-Петербурге в 2003 году.

Кстати, примерно в это время специалисты, занимавшиеся родословием Оболенских, обратились и ко мне, в надежде, что у меня, как у старшего сына писателя, хранятся какие-либо документы, связанные с его рождением и родом. Я помню Сергея Ларькова – волосы мыском над высоким лбом, помню полное его разочарование, когда обнаружилось, что ничего, кроме туманных семейных баек, я не помнил, не знал, не смел рассказывать.

Так что я сейчас, двадцать лет спустя, рассказываю вам не у меня добытую историю моей семьи по добытым им и им же описанным фактам.

Продолжу цитату: «...начав гражданскую службу мелким чиновником в канцелярии московского обер-полицмейстера, затем он перешел на службу в Министерство финансов, служил в банках, был представителем правительства в управлениях разных железных дорог, дослужился до чина действительного статского советника». На службе человек уравновешенный, дома подвержен вспышкам гнева (об этом я еще скажу). Дальше я позволю себе процитировать самого себя – истории семейства Оболенских я в своей книжке «Парень с Сивцева Вражка» посвятил не одну страницу.

В 1854 году, когда Леониду Николаевичу был 31 год, он женился. Женился на Дарье Ивановне Шмидт, отец которой был действительным

статским советником, а мать – урожденная княжна Шаховская, откуда и примесь восточной крови в нашем семействе.

В январе 1875-го у них родилась дочь Людмила.

В марте 1876 года – дочь Дарья.

В июне 1877 года – дочь Софья.

В июле 1878 года – сын Николай.

В апреле 1890 года родилась дочь Александра.

Вы чувствуете эту железную русско-дворянскую поступь: рожать до самого сына? Три года подряд дочки – наконец долгожданный Николай, названный в честь деда, и пауза, а может, и вовсе удовлетворенность результатом. И только через 12 лет, в уже установившиеся, обкатавшиеся семейные отношения, ритуалы и традиции, – маленькая Аля, которая младшего моложе на 12 лет, обречена быть шалуньей и любимицей, анфан терибль семейства, где бесконечно любят маму, а отца побаиваются, и присутствие которого оказывает дисциплинирующий эффект... на всех, кроме маленькой Алинки, которой про это пока ничего не известно.

Да и жизнь налажена: отцовы гражданские должности и обязанности по службе уже не напрягают княжескую гордость, а, скорее, льстят ей. Уже и благополучие семейства, пусть относительно скромное, но куда более комфортное, чем 12 лет назад, позволяет младшую отдать в Смольный институт, где все устроено по-английски строго, говорят день по-французски

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.